

К Дню Африки - 25 мая

DOI: 10.31857/S032150750015008-0

Оригинальная статья / Original article

Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы

© Фитуни Л.Л.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
Researcher ID: 5901-2016
Scopus Author ID: 56968215500
africa.institute@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена анализу возможностей развития российско-африканского сотрудничества в научно-технологической сфере в свете завершающейся работы над Стратегией социально-экономического развития России на срок до 2030 г., а также в преддверие запланированного на 2022 г. Второго Саммита Россия-Африка.

В условиях сложной международной обстановки важность африканского вектора укрепления отечественного потенциала развития сильно возрастает. Злободневной задачей становится отработка возможностей взаимного технологического партнерства. Африканская сторона заинтересована не просто в расширении взаимного торгового обмена, а в создании российскими партнерами в Африке производств, удовлетворяющих потребности местного рынка и позволяющих увеличить экспортный потенциал национальных государств.

Африка может предоставить российскому бизнесу уникальные возможности для решения поставленных государственных задач в области наращивания российского несырьевого неэнергетического экспорта. Успешность развития российско-африканских отношений во многом зависит от правильного учета возникающих угроз и рисков. Помимо обычных экономических рисков серьезное негативное влияние могут оказывать геополитические вызовы и агрессивная санкционная политика США и их союзников.

Следует принимать во внимание открытость и уязвимость африканских партнеров для силового давления экономических конкурентов и геополитических соперников нашей страны, особенно, если дело касается потенциально перспективных и выгодных направлений сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Африка, стратегия, Второй Саммит Россия-Африка, сотрудничество, технологии, точки роста, стартапы, санкции, риски

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

Для цитирования: Фитуни Л.Л. Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 5. С. 33-43. DOI: 10.31857/S032150750015008-0

Russian-African cooperation in science and technology: strategic and operational contexts

© Leonid L. Fituni^а, 2021

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
Researcher ID: 5901-2016
Scopus Author ID: 56968215500
africa.institute@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of opportunities for the development of Russian-African cooperation in the scientific and technological sphere in the context of the finalizing work on the Strategy for Socio-Economic Development of Russia for the period up to 2030 and the in run-up to the Second Russia-Africa Summit in 2022.

In a difficult contemporary international situation, the importance of the African vector of strengthening the domestic potential for development has been greatly increasing. Elaboration of mechanisms for mutual technological partnership became a pressing task. The African side is interested in the creation by Russian partners of production facilities that meet the needs of the local market and boosting the export potential of national states. It is important to pay attention not only to the promotion of our existing technological solutions, but also to their adaptation to local conditions and requirements.

Africa provides Russian business with unique opportunities of achieving the goal of increasing Russian non-resource non-energy exports. In addition to the usual economic risks, aggressive geopolitical challenges and the sanctions policy of the West can have a serious negative impact on Russian-African economic relations.

The article warns that the exposure and vulnerability of Russia's African partners to the power pressure from Moscow's economic competitors and geopolitical rivals, especially when it comes to potentially promising and profitable areas of cooperation should be invariably taken into consideration.

Keywords: Russia, Africa, strategy, Second Russia-Africa Summit, cooperation, technologies, growth points, startups, sanctions, risks

Acknowledgements: The article was supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project № 19-014-00019 "Sanction and Regulatory Targeting of National Elites as an Instrument of Global Governance and International Competition".

For citation: Fituni L.L. Russian-African cooperation in science and technology: strategic and operational contexts. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 5. Pp. 33-43. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015008-0

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на конкретные результаты полутора лет, прошедших со времени проведения в г. Сочи в октябре 2019 г. Первого Саммита и Делового Форума «Россия-Африка», в российско-африканских экономических отношениях все еще сохраняется значительный нереализованный потенциал для углубления взаимного сотрудничества и повышения его эффективности в интересах реализации стратегических целей, задач и планов всех участников.

В настоящее время в нашей стране приобретает конкретные очертания разрабатываемая Правительством новая стратегия социально-экономического развития России. Этот документ призван определить пути решения задач, поставленных в июльском (2020 г.) указе Президента В.В.Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1]. Стратегия и конкретизирующие ее документы определяют, помимо прочего, характер и векторы экономической политики РФ на внешнем треке, а значит в силу своего статуса, комплексности и долгосрочности будут оказывать судьбоносное влияние на развитие российско-африканского взаимодействия в экономической и научно-технологической областях.

Ключевые стратегические задачи среди прочего включают: обеспечение присутствия России в числе 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в т.ч. за счет создания эффективной системы высшего образования; обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности; реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.; достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в т.ч. здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г. и др. [2].

Африканское направление внешнеэкономической активности может и должно внести реальный вклад в решение этих задач. Более того, в условиях сложной международной обстановки и агрессивного противодействия России на других географических курсах со стороны государственных и негосударственных акторов, провозгласивших себя противниками нашей страны, важность африканского вектора укрепления отечественного потенциала развития возрастает. Африканский потребительский рынок за последние 5 лет вырос в 2 раза. При этом он продолжает расти опережающими темпами по сравнению с среднемировыми (в Африке в последние годы на 4-5% в год, а в мире, в среднем, - на 1,5-2%). С учетом растущего спроса открываются широкие возможности для реализации продукции российского производства на рынках Африки.

Однако чтобы преодолеть инерцию бездействия и воспользоваться скрытыми здесь возможностями в практическом плане, необходимо совместить усилия государства и бизнеса с глубокими знаниями и компетенциями реальных специалистов по африканской экономике. На данном этапе существенную часть таких функций взял на себя и реально исполняет Научный совет при секретариате «Форума партнерства Россия - Африка», возглавляемый директором Института Африки РАН, чл.-корр. РАН И.О.Абрамовой. Деятельность Совета, по свидетельству представителей ведомств, делового сообщества и самих ученых, уже приводит к конкретным желательным результатам на пути координации действий науки, бизнеса и государства в соответствии с перспективными ориентирами целеполагания¹.

Применительно к партнерам из немалого числа стран Африки реальной среднесрочной задачей становится отработка двусторонних возможностей технологического партнерства, поскольку, как неоднократно провозглашалось с высоких трибун, оно становится для взаимодействующих сторон драйвером развития их экономик и стимулом к созданию новых стратегических альянсов.

¹ О втором заседании Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия-Африка см.: МИД РФ - https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-soveta-pri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossia-afrika; *Коммерсантъ*. 28.09.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4510140>; Росконгресс - <https://summitafrica.ru/news/o-vtorom-zasedanii-nauchnogo-soveta-pri-sekretariate-foruma-partnerstva-rossija-afrika> (all accessed 30.03.2021)

ОЖИДАНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Африканская сторона как на многостороннем (региональные и субрегиональные организации и объединения), так и на двустороннем (межгосударственном) уровнях неоднократно выражала стремление к развитию и интенсификации экономического сотрудничества с партнерами из России. При этом неизменно подчеркивалась заинтересованность не просто в расширении взаимного торгового обмена, (хотя и в этом контексте африканцы регулярно поднимают вопрос о большей сбалансированности объемов денежных потоков, генерируемых экспортом и импортом), а в создании российскими партнерами и контрагентами в Африке производств, удовлетворяющих потребности местного рынка и позволяющих увеличить экспортный потенциал национальных государств.

Кому-то такая постановка вопроса покажется далеко не новой, но на деле такой поспешный вывод будет не вполне верным. Со времен первых десятилетий независимости общеафриканские, а во многих случаях и национальные страновые подходы к вопросу о соотношении внешних и внутренних факторов в успехе развития сильно изменились. В 1960-1970-е гг. в условиях сильной ограниченности внутренних источников накоплений национальные стратегии стран Африки по импортозамещению, созданию базовых отраслей и диверсификации экономик в значительной, а зачастую решающей мере опирались на использование внешних ресурсов (материальной и финансовой помощи, иностранных специалистов) и требование от внешних партнеров особых, преференциальных условий для участия африканских государств в международном разделении труда и товарообмене.

Общий итоговый баланс подобных отношений в те годы все равно складывался не в пользу «третьего мира». Оставаясь в системе неокOLONиальной эксплуатации, мировая периферия по определению прямо или опосредованно должна была в конечном итоге передавать «первому миру» бóльший объем ресурсов, по сравнению с тем, что получала в виде инвестиций, помощи и т.п. В противном случае, для индустриально развитого центра просто исчезал смысл экономического взаимодействия с развивающимися странами.

Апогеем закрепления подобных отношений экономической несвободы стало навязывание африканским государствам через ведущие финансовые институты глобального управления так называемых Программ структурной адаптации (*Structural adjustment programs, SAP*), которые напрямую увязывали внешнюю помощь, условия участия в международных обменах и просто степень благосклонности развитых государств Запада с выполнением пакета требований последних. Реального экономического подъема в Африке *SAP* не принесли, но долговое бремя и проблемы бедности и отсталости многократно усилились.

Не удивительно поэтому, что в 1970-1980 гг. идеи установления нового экономического порядка сильно будоражили умы мирового сообщества, однако в значимые практические перемены многочисленные публичные дискуссии по этому вопросу так и не трансформировались.

С 1980-х гг. в Африке все большее распространение получают концепции, требующие пересмотра прежних стратегий с тем, чтобы отойти от былых надежд на то, что «Запад нам поможет» и взять «ответственность за развитие»² в свои руки. Первым всеобъемлющим общеафриканским рабочим документом такого рода стал Лагосский план действий, принятый в апреле 1980 г. Он во многом являл собой продукт стратегического и тактического компромисса между старым и новым пониманием содержания ответственности стран Африки за собственное развитие. С одной стороны, он провозглашал, что таковое может быть обеспечено путем уменьшения зависимости от добычи сырья, через индустриализацию и обеспечение равноправия в международных торговых отношениях, но с другой стороны, требовал увеличения помощи от международного сообщества.

Вскоре после принятия этого документа в мире произошли тектонические сдвиги - исчезла мировая система социализма, которая, хотим мы или не хотим это признавать, объективно являлась альтернативой неокOLONиальной системе отношений с Западом. Вскоре установился однополярный миропорядок, который сделал безальтернативным насаждение неолиберальных подходов. Положение начало меняться только с постепенным истощением «трофейного ресурса», полученного Западом в 1990-е гг. в результате «освоения» экономического потенциала рухнувшего социалистического блока и с укреплением тенденции к постепенному формированию новых точек роста мировой экономики, в первую очередь Китая и некоторых других стран.

В Африке КНР создала мощнейшую альтернативу сотрудничеству с Западом, тем самым предоставив странам континента исчезнувшую было возможность маневрировать в выборе внешних партнеров. Эта тенденция укрепилась с активизацией на африканских рынках Индии, Бразилии, России, Турции, ОАЭ и других стран. Начало XXI в. стало для стран континента периодом весьма продолжительного и устойчиво-

² В оригинальных англоязычных текстах Африканского Союза, ЭКА ООН и документах организаций семьи ООН при описании этого подхода применяется термин «*African ownership*». В статье использован его русский эквивалент - «ответственность африканцев» [за развитие континента], используемый в официальных переводах англоязычных документов ООН на русский язык (*прим. авт.*).

го экономического роста, реальных достижений на пути укрепления национальных экономик и зримого повышения жизненного уровня населения.

В этих условиях идеи взятия ответственности за развитие в собственные руки оказались как нельзя своевременными. С начала века в Африке и в первую очередь на ее главных институциональных платформах - в Африканском Союзе, ЭКА ООН, но также и на субрегиональном и страновых уровнях концепция «*African ownership*» приобретает все большее признание и ранг своего рода официальной «панафриканской концептуальной линии». В 2001 г., еще не используя это английское словосочетание, программа Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) де факто формулирует именно такой концептуальный подход. А с 2015 г. главный стратегический программный документ АС - «Повестка 2063» позиционирует его как исходный пункт своего фундаментального курса - «Африка-ориентированного развития» (*Africa-centered development*).

Указанные послы, несмотря на их четкие формулы и формально однозначную директивность, на деле далеко не всегда имплементируются в Африке в действующие прикладные программы и операционные решения. Да и, по правде сказать, несмотря на провозглашенную собственную ответственность за развитие, притязания на уступки, содействие и льготы в различной форме, по-прежнему остаются «естественным» компонентом взаимоотношений африканцев с внешними партнерами как на межгосударственном, так и на частно-деловом уровне.

И все же качественный сдвиг налицо. Бесконечно повторяемые теоретиками развития слова о преимуществах дарения голодному не рыбы, а удочки, обрели силу действия, и ныне именно такой подход отражает логику ожиданий африканцев от сотрудничества с внешними партнерами. Сегодня это едва ли не ключевая отправная точка деловых переговоров, особенно на межстрановом уровне. С ней необходимо считаться и отечественным игрокам, налаживающим отношения с африканскими контрагентами, а еще лучше научиться заранее выстраивать свою переговорную тактику с учетом данного фактора.

ТОРГОВЛЯ И ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ

В контексте сказанного исходной точкой стратегии и тактики на африканском направлении является выявление имеющихся у российской стороны возможностей и соотношение их с потребностями африканских контрагентов в соответствующих сегментах рынка. В современной Африке, как, пожалуй, и в других частях планеты, больше не работает «купеческий» подход XVIII-XIX вв.: привез гость из-за моря товар, продал его туземцам или обменял на золото и специи, да и отбыл восвояси. Необходима системная и профессионально выверенная последовательная деятельность на новом рынке. Оптимально, необходимо настойчиво и целенаправленно работать в Африке над *формированием потребителя* российской продукции.

В условиях развертывающейся «четвертой промышленной революции» и все большей интернационализации производственной, интеллектуальной и информационно-управленческой деятельности для успеха и самой возможности развития возрастает значение получения доступа к новым и эффективным технологиям как в производственно-экономической, так и шире в социальной сфере. Поэтому технологическое и научно-техническое сотрудничество со странами Африки, скорее всего, может оказаться оптимальным путем наращивания российского несырьевого и неэнергетического экспорта, а в макроэкономическом плане генератором мультипликативного эффекта для страновых хозяйственных комплексов обеих сторон.

Анализ достижений и существующего в распоряжении наших африканских партнеров потенциала в области науки, технологии и инноваций дан автором в отдельной статье, опубликованной в апрельском номере журнала [3] В данном исследовании мы рассмотрим конкретные области, перспективные направления и существующие риски при развитии производственно-технологического сотрудничества РФ со странами Африки.

Экспорт технологий различного уровня сложности и разной степени давности является интегральной составной частью стратегий экономической экспансии не только крупных многонациональных корпораций (МНК), но также компаний малого и среднего бизнеса (МСБ) ведущих экономик Запада и Востока. С помощью этого инструмента форсируется обычный товарный экспорт и одновременно осуществляется долговременная производственно-технологическая привязка к себе контрагента. Первопроходцами на этом пути стали крупные корпорации США и стран ЕС. Однако их конкуренты из Японии, Китая, Канады, а позднее Индии, Бразилии и ряда других стран в конце XX в. начали широко использовать этот механизм в интересах экспансии в различных частях развивающегося мира, в том числе и в Африке.

Согласно определению ООН, трансфер технологий включает передачу систематизированных знаний, практического опыта и методов работы поставщиков технологии для производства товаров, применения технологического процесса или эксплуатации и текущего обслуживания объекта [4]. При этом в африканском контексте под «технологией» не обязательно понимать исключительно лишь сложные или сверх-

сложные производственные или организационные процессы. Они, конечно же, важны, поскольку при прочих равных условиях подразумевают создание более высокой добавленной стоимости, и, как следствие, ожидаемую генерацию более высокой выручки. Однако прикладной анализ зачастую свидетельствует о большей отдаче от менее сложных, но востребованных конкретным страновым рынком технологий.

Опыт ряда зарубежных партнеров, в частности китайских, показывает, что ключом к успеху в Африке является не столько продвижение уникальных дорогостоящих решений, и даже не изначальные качества самой технологии, а ее успешная адаптация и эффективное использование в существующих реалиях местной экономики. В силу сильной инерционности африканских национальных хозяйств, закупленные (внедренные) иностранные технологии, как правило, еще долгое время продолжают существовать внутри сложившегося «старого» технико-экономического окружения в качестве перспективного *дополнения* к доминирующим на данном рынке технологиям (порой весьма неновым) и к местным условиям. Соответственно, африканцами большее внимание уделяется не просто сделкам о передаче технологий, а соглашениям об их адаптации и использовании [5].

Определенные заделы в Африке в этом отношении у российской стороны имеются. По словам министра промышленности и торговли РФ Д.Мантурова, наши компании уже начали выстраивать взаимодействие с африканскими коллегами по 5 основным технологическим направлениям. В первую очередь, это модернизация существующей *индустриальной* инфраструктуры, (например, проекты по поставке российского оборудования для металлургических и горнорудных предприятий). Второе направление - развитие *транспортно-логистической* системы, включая поставки подвижного состава для железных дорог, самолетов и вертолетов разных классов и назначений, а также систем безопасности и управления этими видами транспорта. Третье касается *промышленной кооперации* - участия в создании энергетической инфраструктуры, нефтегазовых и генерирующих мощностей, в том числе гидро- и атомной энергетики, а также перспективные проекты в сфере возобновляемых источников энергии.

Четвертое направление *мультисекторальное*. Оно покрывает широкий комплекс вопросов взаимодействия в группах взаимосвязанных отраслей хозяйства. В зависимости от степени прогресса на пути сотрудничества конкретные межотраслевые (по нашему мнению, в данном случае даже в большей степени внутреннее содержание явления отражает термин «*трансотраслевые*». - Л.Ф.) сочетания могут меняться³.

Актуальность и значение 5-го направления, обеспечивающего жизненно необходимые потребности человека, такие как питание, охрана здоровья и т.п., во весь рост проявились в истекшем году. Стало очевидным, что большие перспективы открыты для участия нашей медицинской и фармацевтической промышленности в технологическом развитии систем здравоохранения и лекарственного обеспечения большого числа стран континента. Кроме того, на ближнесрочных горизонтах и в рамках сравнительно легко осуществимых оперативных программ взаимодействия по данному направлению речь идет о проектах, связанных с продовольственной безопасностью как африканских стран, так и России.

Наша страна - один из основных доноров Всемирной продовольственной программы (ВПП), в рамках которой она финансирует реализацию многопрофильной Национальной программы школьного питания Мозамбика и продовольственной помощи ДРК, Буркина Фасо, Эфиопии и др., всего - почти двум десяткам африканских стран.

НЕСЫРЬЕВОЙ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ

На данный момент африканское направление - лидер, с точки зрения реализации стратегических целей развития, в плане форсирования несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ).

По итогам 2020 г., ННЭ в общей структуре экспорта в страны Африки увеличился до 85% и составил \$10,1 млрд. Сохраняющийся спрос в африканских странах на российскую продукцию и на товары с высокой добавленной стоимостью открывает широкие возможности для дальнейшего наращивания экспорта, что может способствовать развитию определенных несырьевых отраслей российской экономики. В их числе выпуск железнодорожной, агропромышленной, транспортной техники, сельскохозяйственной продукции, медицинских, радио- и цифровых технологий⁴.

Одним из ключевых партнеров и региональных хабов по распространению российского ННЭ на весь африканский континент является Египет. На двусторонней основе реализуются несколько масштабных экономическим проектов, таких как строительство АЭС в Эд-Дабаа, и создание российской промзоны в экономической зоне Суэцкого канала [6]. В октябре 2020 г. Минпромторг РФ сообщил, что компании «Трансмаш-

³ Денис Мантуров: промышленная кооперация позволит раскрыть поистине огромный потенциал Африканского континента. https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/denis_manturov_u_rossii_i_afriki_sushhestvuet_neskolko_napравleniy_promkooperacii (accessed 23.01.2021)

⁴ Несырьевые товары составили 85% экспорта из РФ в страны Африки по итогам 2020 г. <https://tpprf.ru/ru/interaction/experts/comments/408305/> (accessed 29.03.2021)

холдинг», группа «ЭФКО» и ООО «Газпромнефть-Снабжение» станут якорными резидентами зоны с облегченным налоговым режимом. Первый этап ее создания предусматривает освоение 5,2 млн кв. м, земля будет арендована на льготных условиях в течение 50 лет⁵.

Однако имеет место сильная неравномерность географии распределения поставщиков товаров ННЭ в самой РФ. В 2020 г. почти четверть стоимости (до \$2,4 млрд) всего ННЭ было продано в Африку московскими компаниями. При этом город нарастил ННЭ в страны континента на 7% по сравнению с 2019 г. Главными покупателями этой московской продукции в Африке являются Алжир, Египет, Нигерия, Судан и Марокко. Наибольшая доля в структуре московского экспорта в эту часть света приходится на следующие товарные группы: автотехника, механическое оборудование и комплектующие к нему, радиолокационная техника, контрольные и измерительные приборы, а также вакцины. Перспективными товарами для увеличения объемов московского экспорта являются молочные продукты, овощи, мясо птицы, шоколадные изделия и готовые корма для животных⁶.

В 2019 г. начались контакты входящего в московский инновационный кластер производителя огнеупоров и фильтровального оборудования «Бакор» с горнопромышленными производителями в Руанде. Представители компании побывали в Руанде, посетили несколько рудников, встретились с министром экологии и подписали протокол о совместной работе. Среди других столичных поставщиков, которые уже работают в Африке - компании «Диагностика-М», «Парус Электро», «ФИНГО», НПП «Мелитта», Лазмедтек⁷.

Потенциал для российско-африканского сотрудничества имеется не только в мегаполисах, но и в регионах, хотя следует признать, что Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Ростов-на-Дону опережают другие промышленные и сельскохозяйственные центры России. По экспорту готовых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья регионами-лидерами стали Ростовская область и Краснодарский край. Так, Кубань поставляет в ЮАР 96% закупаемого этой страной зерна за границей, что, по итогам 2020 г., составило \$60 млн⁸.

МЕДИЦИНА, БИОТЕХ

До середины 2010-хх гг. взаимодействие с Африкой в этой области велось, главным образом, в рамках участия в международных программах солидарности. В 2007 г. тогдашний министр финансов РФ А.Кудрин подписал соглашение с Всемирным банком и ВОЗ о выделении \$20 млн на борьбу с малярией в Африке. До этого, в 2005 г., Россия удвоила до \$40 млн взнос в Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией⁹. Эти шаги в основном предпринимались в рамках участия России в G-8 и исполнения решений саммитов «Восьмерки».

Однако упор на «малые шаги» путем участия в программах, где инициатива и практическое руководство находится в руках представителей Запада, не только не приносит экономического эффекта, но даже не позволяет использовать произведенные затраты как инструмент «мягкой силы», ведь подобные начинания позиционируются не в качестве проектов РФ, а международных организаций.

Как показали последние годы, прямое российское лидерство в реализации конкретных проектов в Африке в области защиты здоровья - путь более эффективный. В 2014-2016 гг. Россия одной из первых отреагировала на эпидемию геморрагической лихорадки Эбола, выделив на борьбу с ней \$60 млн. В Гвинее действует Центр микробиологических исследований и лечения эпидемиологических заболеваний (ЦМИЛЭЗ), построенный и оснащенный компанией ОК РУСАЛ при активном содействии нашего посольства, который и в феврале 2021 г. подключился к усилиям по локализации повторной вспышки Эболы.

В условиях пандемии COVID-19 российская сторона предложила африканским партнерам доступ к разработанным в РФ вакцинам против заболевания и сотрудничество в борьбе с ним, начиная от поставок медпринадлежностей и техники до развертывания в Африке производства российской вакцины. На начало апреля 2021 г. российская вакцина *Sputnik V* была зарегистрирована в Алжире, Египте, Габоне, Гане, Гвинее, Тунисе и Зимбабве. Велась переписка о ее регистрации еще в ряде стран континента.

НПО «Национальное телемедицинское агентство» предложило к использованию уникальный облачный сервис, разработанный в России и являющийся на данный момент лучшим в мире, который предлагает помощь врачу в принятии решения. За 0,8 секунды врач, отправивший рентгеновский снимок больного,

⁵ Лавров в Каире обсудит торговое и гуманитарное партнерство и российскую помощь в регионе. <https://tass.ru/politika/11118659> (accessed 12.04.2021)

⁶ Доля Москвы в общероссийском несырьевом неэнергетическом экспорте в Африку составила 22%. <https://tass.ru/ekonomika/10985205> (accessed 29.03.2021)

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ О работе с Африкой. <http://www.kremlin.ru/supplement/3721>; Россия выделит 20 млн долларов на борьбу с малярией в Африке. <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/rossiya-vydelit-20-millionov-dollarov-na-borbu-s-malyariyev-v-afrike/> (14.04.2021)

может получить ответ о наличии у него *COVID*, а также рекомендации по дальнейшим шагам. Подключить систему можно в течение короткого времени¹⁰.

ИКТ И ЦИФРОВОЙ СЕГМЕНТ

За последние 15 лет Африка совершила цифровой «рывок» и обгоняет по динамике страны Европы и США. Доля проникновения Интернета выросла с 2% в 2005 г. до 24% в 2018 г., а Субсахарская часть континента стала самым быстро развивающимся телекоммуникационным рынком в мире. Технологии мобильной связи к 2025 г. охватят более 600 млн человек. Российские специалисты считают, что ИТ-бизнес в Африке по уровню развития на 5-10 лет отстает от российского, но такой временной лаг для наших ИТ-компаний является преимуществом. Во-первых, есть спрос на технологии, обкатанные в Европе и России, во-вторых - возможность достаточно быстро вернуть вложенные инвестиции за счет роста рынка по экспоненте.

На континенте уже много лет работают крупные российские ИТ-компании - *Parallels, ABBYY, Kaspersky*. Крайне востребованы финтех- и образовательные проекты, качественно меняющие уровень жизни. Также интересны телематические решения для ритейла, логистики, телеком-индустрии, строительного сектора, которые помогают преодолеть локальные проблемы - бездорожье, низкий уровень электрификации и бытовую коррупцию¹¹.

Российская компания *OMNICOMM* с 2013 г. методично формирует пул партнеров, и сейчас работает с 80 ИТ-интеграторами в ЮАР, Танзании, Гане, Нигерии, Малави, Мозамбике и Замбии. В Кении компания перенесла полученный в Сибири опыт по организации сбора данных с грузовой и дорожной техники на пространствах, где нет устойчивого GSM-сигнала: ИТ-платформа собирает телеметрические данные с транспорта компании *SBI* в процессе работы, а затем всю информацию можно скачать и проанализировать в точке с уверенным приемом сигнала¹².

МАЛЫЙ БИЗНЕС: СТАРТАПЫ И ФИНТЕХ

По оценке международной консультационной корпорации *PWC*, финтех - один из наиболее динамично развивающихся сегментов международного бизнеса. Он являет собой специфическую зону взаимного наложения сфер финансовых услуг (ФС), медиа и телекоммуникаций (ТМТ) и передовых технологий, в которой технологические стартапы и новые участники рынка применяют инновационные подходы к продуктам и услугам, до последнего времени предоставлявшихся традиционным сектором финансовых услуг [7].

Распространение финтех-услуг в Африке набирает обороты, поскольку инвесторы оптимистично смотрят на перспективы региона в этом секторе. Например, нигерийский платежный стартап *Flutterwave* привлек с момента запуска в 2018 г. \$170 млн и в 2020 г. стал «единорогом». Платформа помогает бизнесу создавать кастомизированные платежные приложения с помощью своих API¹³.

Примерно одновременно с нигерийскими стартаперами предприниматели из Северо-западного региона России вышли на рынок Восточной Африки. Набив руку на микрокредитовании в малых городах Русского Севера, трое предпринимателей из Мурманска и Петрозаводска запустили в Кении стартап в области микрофинансирования. По российским меркам, их компанию *AfrikaLoan* следовало бы отнести к малому бизнесу. Однако, по кенийским понятиям, это - средний бизнес, а с точки зрения годового оборота, скорее даже крупный. Фирма зарегистрирована в Найроби, где находится кол-центр, в котором трудоустроены 18 местных девушек, они получают зарплату эквивалентную \$165, в то время как средняя зарплата офисного сотрудника в стране, выплачиваемая, естественно, в шиллингах, эквивалентна примерно \$150. Первые пробные кредиты были выданы в 2017 г., а с весны 2018 г. начался регулярный бизнес. В месяц кредитов выдается примерно на \$60 тыс. [8].

AfrikaLoan поощряет клиентов брать повторные кредиты. Заемщику, который обращается за займом впервые, сервис одалживает \$5 на неделю под 4%. Если он возвращает долг вовремя, может взять \$8 на две недели, если вернет и это, может получить новый - \$10, и т.д. Максимальный кредит - \$50 на 30 дней под 2% за месяц. Большинство клиентов приходит через *Facebook*, который в Кении очень популярен. Фирма имеет также андеррайтерский отдел, накапливающий досье на каждого клиента и коллекторский отдел, но «хард-коллекшен» передан на аутсорсинг национальному бизнесу. Операционная прибыль со-

¹⁰ Нигерия нуждается в российских технологиях в различных сферах экономики <https://mostpp.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/nigeriya-nuzhdaetsya-v-rossiyskikh-tehnologiyakh-v-razlichnykh-sferakh-ekonomiki> (accessed 29.03.2021)

¹¹ Подробнее см.: <https://www.omnicomm.ru/press-room/yens-shtroshnayder-v-afrike-vostrebovany-telematicheskie-resheniya-dlya-riteyla-logistiki-telekom-in> (accessed 31.03.2021)

¹² Там же.

¹³ Африканский финтех-стартап *Flutterwave* привлек \$170 млн и получил оценку в \$1 млрд. <https://incussia.ru/news/african-flutterwave> (accessed 31.03.2021)

ставляет около 30% от выданных сумм. По мере роста доли постоянных клиентов маржинальность в первый год увеличилась до 45-50% [8].

Специфика рынка микрокредитования в Африке заключается, в первую очередь, в том, что он, по сравнению с российским, намного более емкий, но не по совокупному размеру кредитного портфеля кредитных организаций, а по количеству потенциальных заемщиков.

Согласно оценкам практиков отрасли, в России потребители микрозаймов - это 15 млн человек, что составляет порядка 10% населения страны. В африканских странах зачастую более 50% населения испытывают потребность в небольших кредитах. То есть масштаб рынка весьма значителен, и на нем есть за что побороться. Но в Кении основные конкуренты для российского финтехе не столько другие МФО, сколько сберегательно-кредитные союзы (*SACCO*) и кооперативы взаимопомощи (*chama / vyama*), в которых, как считается, состоит почти каждый третий кениец [9]. Аналогичные структуры, соединившие в себе традиционные формы кредитования с современными финансами, существуют во многих странах Субсахарской Африки.

РИСКИ И САНКЦИИ

Трезвая оценка реальных условий использования открывающихся возможностей обязательно предполагает учет потенциальных рисков и подводных камней на избранном курсе. Как правило, в абстрактном плане они в большинстве своем наперед известны намеревающимся выйти на африканские рынки. Это и невысокий общий уровень развития экономик, и вероятные проблемы с платежеспособностью, и слабое развитие физической и нематериальной инфраструктуры бизнеса, и иной менталитет, порождающий, порой, проблемы с исполнением договоренностей, и общая бедность людей и общества, которая резко повышает соблазн и даже вмещает в моральную обязанность снять сверх оговоренного еще «жирку с богачей-иностранцев» - будь то в форме якобы положенного бакшиша за услугу, коррупционного платежа или результата мошенничества.

Перечисленные риски почему-то считают специфическими чертами африканского делового климата, хотя в мире есть немало районов и стран со сходными уровнями нищеты и бедности и похожими особенностями менталитета. Коррупционные платежи в США, Великобритании и Франции по своим объемам намного превосходят африканские, хотя зачастую и облакаются в специально созданные для этих целей легитимирующие форматы лоббизма, пожертвований, филантропии или оформления детей коррупционеров на высокооплачиваемые синекурные должности. Впрочем, и традиционные взяточничество и вымогательство, равно как рейдерство и шантаж в отношении российских конкурентов не менее, а возможно, даже более характерны для современного делового климата, в котором отечественному бизнесу приходится оперировать в целом ряде стран Запада.

Нужно учитывать, что побочные последствия такой агрессивной линии на мировой бизнес-арене могут негативно отразиться и на реализации проектов российско-африканского сотрудничества, особенно, если оно касается технологий или стратегического сырья.

При этом наиболее уязвимы для подобных деструктивных действий и произвола конкурентов платежно-финансовая составляющая отношений, охрана интеллектуальной собственности, использование информационных технологий и телекоммуникаций.

В африканских условиях в рамках пресловутой линии на «сдерживание путем отрицания» (*deterrence by denial*), заложенной в основу отношения к активности России в любой части мира, геополитическим соперникам и западным конкурентам несложно организовать провокацию и создать угрозу физическому благополучию жертвы, начиная с довольно распространенной практики захвата заложников «неизвестными вооруженными людьми» и кончая организацией провокаций с похищением и насильственным вывозом в США российских граждан.

В этой связи важным аспектом при анализе возможностей и рисков экономико-технологического сотрудничества со странами Африки, является вопрос влияния на него ограничительных мер Запада, которые тот предпочитает именовать экономическими санкциями, несмотря на некорректность применения этого термина к неодобренным ООН международным репрессалиям. С точки зрения России и ее интересов, данные действия однозначно выглядят как скоординированные рядом стран, связанных военно-союзническими отношениями, враждебные и репрессивные шаги, имеющие признаки экономической агрессии в отношении нашего государства.

Отметим, что и в отношении многих стран Африки действуют санкционные режимы. Часть из них (те, что введены решениями СБ ООН) - легитимны и подлежат исполнению всеми членами всемирной организации, но большое количество внешних рестрикций, наложено США и их союзниками на африканские страны, организации и граждан в обход ООН. Они могут принимать форму широких экономических и внешнеполитических санкций против страны в целом (хотя формально именуются санкциями против кон-

кретного «режима»), как это было в Зимбабве, Судане, Ливии, или быть «индивидуальными», т.е. касаться активов, собственности или свободы передвижения конкретных африканцев (по большей части неугодивших Вашингтону лидеров, их семей и окружения).

Несмотря на внешний антураж целевых (таргетированных) «санкций», направленных против «плохих парней» и их сообщников, в условиях массовой бедности и недостаточно развитых и диверсифицированных экономик Африки такого рода действия неизбежно сужают возможности экономического и технологического развития африканских государств.

Помимо прямого ущерба от запретов на поставки тех или иных товаров и услуг, усложнения и чрезмерной бюрократизации разрешительных и оформительских процедур внешнеэкономической деятельности, для стран Африки, подвергшихся «санкционной агрессии» резко сужаются возможности экономического взаимодействия с зарубежными партнерами даже в областях, формально не подпадающих под регуляторные рестрикции из-за возросших опасений третьих стран и контрагентов попасть под штрафы или иные наказания, в случае непреднамеренного нарушения ограничений или неожиданного ужесточения подходов санкционеров.

Экономические санкции особенно негативно отражаются на научном и технологическом сотрудничестве, поскольку это области сложного и комплексного взаимодействия, почти всегда предполагающие участие третьих сторон в качестве субподрядчиков или поставщиков пусть и незначительного количества, но зачастую критически необходимых деталей, компонентов и материалов.

Этот аспект должен неизменно и обязательно наперед учитываться при реализации конкретных проектов российско-африканского технологического сотрудничества. В сути своей, эта задача не нова и не является исключительно российской «головной болью». Достаточно вспомнить пусть и затратный, но достаточно эффективный обход Преторией ооновских и национальных экономических санкций многих стран мира против расистской ЮАР, или же весьма успешное, вопреки всем санкциям, запретам и эмбарго международного сообщества, израильско-южноафриканское сотрудничество в научно-технической сфере, включая ядерную отрасль.

При построении проектов научного и научно-технического сотрудничества России со странами Африки следует принимать во внимания подверженность и уязвимость последних для силового давления экономических конкурентов и геополитических соперников нашей страны, особенно, если дело касается потенциально перспективных и выгодных направлений сотрудничества. Для этого зачастую используются мощные пропагандистские кампании, недоказанные обвинения, а порой и прямые провокации с целью дискредитации российской стороны или ее африканских контрагентов.

В настоящее время Западом прилагаются большие усилия по сбору и анализу информации относительно стратегии и тактики России на Африканском континенте как в политической, так и экономической области. В постоянном режиме аккумулируются сведения о намерениях и приоритетах РФ в Африке в страновом, субрегиональном, отраслевом разрезах с тем, чтобы таргетировать наступление на российские интересы именно на ключевых направлениях. Задача - создать на них препятствия, а где удастся - превентивно исключить возможности для вхождения России в африканские рынки, участия в перспективных проектах, формирования устойчивых и долговременных производственных и иных технологических связей.

Со стороны Запада, его различных «аналитических» структур и независимых «экспертов» непрестанно слышны жалобы относительно непредсказуемости действий России. Отдельно ставится в вину «засекреченность» (т.е. невозможность получить полный текст) африканской стратегии России, которая внесла бы для них ясность в конкретные цели, последовательность и планы ее действий в этой части мира. Не прекращаются запросы дать информацию о «приоритетных» для Москвы странах, отраслях, областях и направлениях сотрудничества с Африкой на ближнесрочную, среднесрочную и стратегическую перспективы.

Параллельно задействован резерв западно-ориентированной части российского научно-аналитического сообщества. Перед ним поставлены задачи огульной критики прошлого опыта и целей сотрудничества нашей страны с народами и странами континента, компрометация и очернение помощи африканцам в обретении независимости, но главное - недопущения налаживания нового, конструктивно-прагматичного и действительно выгодного для России взаимодействия с Африкой.

Поскольку за единичными исключениями специалистов по экономике и внешней политике стран континента в западно-ориентированном сегменте российского научно-аналитического сообщества по определению нет, то сразу после саммита в Сочи к выполнению перечисленных задач были активно подключены «специалисты-смежники» и «эксперты вообще».

Поведенческую линию оперативно созданного отряда новоиспеченных «африканистов» можно сравнить с игрой в плохого и хорошего полицейского. В деструктивном плане они пытаются вновь оживить живые тезисы о «выбрасывании денег на ветер» и якобы «кормлении Африки за счет российских детей и пенсионеров» (при этом на 30 лет подкармливания Запада вследствие происшедшего в 1990-е гг. встраивания России в однополярный миропорядок они внимания не обращают).

Одновременно, имитируя конструктивную повестку дня, они критикуют действия и достижения нашей политики последних лет на африканском направлении и пытаются добиться подмены разработанных, успешно применяемых механизмов на предлагаемые ими, якобы более совершенные и современные, но подталкивающие Россию к действию по западным лекалам, в качестве рядового в строю общих международных усилий, которые, как правило, далеки от актуальных нужд и задач нашей страны. При этом объяснить, в чем же в этом случае проявится конкретная выгода на африканском направлении для экономики и интересов российского государства, отмобилизованные «эксперты вообще» не в состоянии.

Массовую активность новоиспеченных «специалистов» можно было бы оставить без внимания, если бы не существовали реальные риски имплементации их некомпетентных, а зачастую вредных для дела рекомендаций в обновленную стратегию и тактику России в Африке. Такое, тем не менее, может произойти в силу множества причин субъективного характера и объективно существующих особенностей и нередких неслаженностей при подготовке и принятии нужных решений.

ВЫВОДЫ

Достижение стратегических целей в области экономического сотрудничества России со странами Африки предполагает *оптимизацию* усилий на имеющихся направлениях работы и *поиск новых* средств и решений во внутри- и внешнеэкономической сферах. Представляется, что на начальном этапе реализации принимаемой в нынешнем году государственной стратегии развития международных экономических связей нужно переключить основные усилия с однозначно закрытых для нас рынков на поиск новых, в которых российские участники гарантированно могли бы реализовать свои сравнительные преимущества и закрепиться на нишевых плацдармах, постепенно формируя опорные платформы для оперативно-тактического, а по мере своего укрепления и стратегического овладения устойчивыми позициями, распространения своего делового влияния.

При реализации существующих и планируемых стратегий и тактик следует исходить из приоритетности развития российско-африканского сотрудничества в современных технологичных производствах, проектах, сегментах и областях, генерирующих при прочих равных условиях более высокую добавленную стоимость, что, конечно же, не исключает продолжения взаимодействия по традиционным, менее технологически продвинутым направлениям.

Важно не стесняться брать лучшее из опыта зарубежных партнеров и конкурентов, добившихся успеха на африканском направлении, если эти решения могут принести высокую отдачу для достижения наших целей. В этом смысле, не упуская из виду «китайскую» тактику *win-win*, предусматривающую обоюдную выгоду от сотрудничества, нужно сделать упор на двусторонние (т.е. собственно российско-африканские, включая в это понятие африканские интеграционные объединения) связи и конкретные проектные решения, минимизировав, и сведя к символическому, участие и затраты на *обезличенные* «международные инициативы» по Африке, реализацией и распределением средств которых заправляют наши геополитические конкуренты.

При этом следует, однако, для демонстрации флага и нашей приверженности идеалам международной солидарности сохранить минимальное и избирательное участие на уровне разумной достаточности в привлекательных для нас международных инициативах. Возможно (да и то при условии детального просчитывания отдаленных последствий) участие в них поставками российской продукции и услуг, полностью оплачиваемых международными организациями.

Другими словами, по аналогии с походом наших африканских друзей, нам следует исходить из принципа *Russian ownership* при принятии решений и направлении средств как в реализации внешнеэкономической стратегии, так и для достижения целей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed 01.04.2021)
2. Президент России. Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900> (accessed 30.03.2021)
3. Фитуни Л.Л. (2021) Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. № 4. С. 15-24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8
4. Legal aspects of technology transfer: current activities of international organizations within the United Nations system. (1985). UN General Assembly. United Nations Commission on International Trade Law. 18th Session. Vienna, 3-21 June 1985. Doc. A/CN.9/269. <https://undocs.org/en/a/cn.9/269> (accessed 03.04.2021)
5. Метелица А. (2010) Обзор правового регулирования международной передачи технологий. Журнал международного права и международных отношений. № 2. <http://www.evolutio.info/ru/journal-menu/2010-2/2010-2-metelica> (accessed 03.04.2021)

6. Волков С.Н. (2020) Научно-технологическое развитие Египта в XXI веке. Ученые записки Института Африки РАН. № 4(53), с. 43-54.
7. PWC. Global FinTech Report 2019. <https://www.pwc.com/fintechreport> (accessed 31.03.2021)
8. Носырев И., Гришин Н. Черная касса: как предприниматели с Русского Севера работают в Африке https://www.rbc.ru/own_business/07/07/2018/5b38b4e99a7947353ae0428c (accessed 03.04.2021)
9. Ляпин М. (2019) Микрокредитование в Кении. Опыт экспансии российской МФО. *ПЛАС*. № 9. <https://plusworld.ru/journal/2019/plus-9-2019/mikroreditovanie-v-kenii-opyt-ekspansii-rossijskoj-mfo> (accessed 03.04.2021)

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030". (In Russ.) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed on 04/01/2021)
2. President of Russia (2021). List of instructions following a joint meeting of the State Council and the Council for Strategic Development and National Projects. (In Russ.) <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900> (accessed 03/30/2021)
3. Fituni L.L. (2021) Science, Technology and Innovation in Africa: Stereotypes, Realities and Prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. № 4. Pp. 15-24 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014642-8
4. Legal aspects of technology transfer: current activities of international organizations within the United Nations system. (1985). UN General Assembly. United Nations Commission on International Trade Law. 18th Session. Vienna, 3-21 June 1985. Doc. A/CN.9/269. <https://undocs.org/en/a/cn.9/269> (accessed 03.04.2021)
5. Metelitsa A. (2010) Review of the legal regulation of international technology transfer. *Journal of International Law and International Relations*. № 2. Moscow. (In Russ.) <http://www.evolutio.info/ru/journal-menu/2010-2/2010-2-metelica> (accessed 04/03/2021)
6. Volkov S.N. (2020) Scientific and technological development of Egypt in the XXI century. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4 (53), pp. 43-54. Moscow. (In Russ.)
7. Global FinTech Report 2019. <https://www.pwc.com/fintechreport> (accessed 31.03.2021)
8. Nosyrev I., Grishin N. (2018). Black cash: how entrepreneurs from the Russian North work in Africa. (In Russ.). https://www.rbc.ru/own_business/07/07/2018/5b38b4e99a7947353ae0428c (accessed 04/03/2021)
9. Lyapin M. (2019). Microcredit in Kenya. Expansion experience of a Russian MFO. *PLUS magazine*. № 9 (In Russ.). <https://plusworld.ru/journal/2019/plus-9-2019/mikroreditovanie-v-kenii-opyt-ekspansii-rossijskoj-mfo/> (accessed 03.04.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН, Москва, Россия; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Leonid L. Fituni, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy-Director, Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
03.04.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
11.05.2021